

РАЗСКАЗЪ

ОБЪ ОТНОШЕНИЯХЪ

ПУШКИНА КЪ ДАНТЕСУ

Записанъ со словъ князя Александра Васильевича Трубецкаго, 74-хъ лѣтъ, генераль-маіора состоящаго на службѣ при артиллерійскомъ складѣ въ Одессѣ. Воскресенье, 21-го Іюня 1887 года.

Павловскъ, дача Краевского.

Дозв. ценз. Спб., 17 Апр., 1898 г.

Тип. П. Сойкина, Стремянная. 12.

Князь Трубецкой не былъ „пріятельски“ знакомъ съ Пушкинымъ, но хорошо зналъ его по частымъ встрѣчамъ въ высшемъ Петербургскомъ об-

ществу и, еще болѣе, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Дантесу.

Въ 1836-мъ году, лѣтомъ, когда Кавалергардскій полкъ стоялъ въ крестьянскихъ избахъ Новой деревни, князь Грубецкой жилъ въ одной хатѣ съ Дантесомъ, который сообщалъ ему о своихъ любовныхъ похожденияхъ, вѣрнѣе о

своихъ побѣдахъ надъ
женскими сердцами.

Это обстоятельство и
дало возможность, кн.
Трубецкому, узнать объ
истинныхъ, быть можетъ,
причинахъ роковой ду-
эли, 27-го января 1837
года.

Трудно предположить
вымыселъ со стороны кн.
Трубецкого, почтеннаго
74-хъ лѣтняго старца;

быть может нѣкоторыя подробности затемнились въ его памяти, другія-же получили нѣсколько иную окраску, но разсказъ его долженъ имѣть въ основаніи своемъ, истинное происшествіе.

Кн. Трубецкой въ теченіи многихъ лѣтъ упорно отмалчивался о томъ какія именно подробности, въ отношеніи Пуш-

кина къ Дантесу, ему извѣстны. Лишь совершенно случайно удалось выпытать у него этотъ разсказъ, тотчасъ-же записывавшійся со словъ его.

Такъ какъ лишь въ печатномъ видѣ, разсказъ можетъ получить разъясненія или опроверженіе, то и явилась необходимость выпустить его въ свѣтъ.

Не желаніе-же распро-
странять его въ массѣ,
побудило печатать его,
лишь въ 10-ти экземпля-
рахъ.

„Въ 1834 году, Императоръ Николай, собралъ однажды офицеровъ Кавалергардскаго полка и подведя къ нимъ за руку юношу, сказалъ: „Вотъ вамъ товарищъ. Примите его въ свою семью, любите какъ пажа“ (Кавалергарды пополнялись по большей части камеръ-

пажами) и прибавилъ по французски: „Этотъ юноша питаетъ за большую честь для себя служить въ Кавалергардскомъ полку; онъ постарается заслужить Вашу любовь и, я увѣренъ, оправдаетъ Вашу дружбу“. Это и былъ Дантесъ — племянникъ Голландскаго посланника Геккерна, родная сестра котораго была заму-

жемъ за французскимъ
chevalier Дантесомъ. Онъ
былъ статень, красивъ;
на видъ ему было въ то
время лѣтъ 20, много 22
года. Какъ иностранецъ,
онъ былъ пообразован-
нѣе насъ, пажей, и какъ
французъ — остроумень,
живъ, весель. Онъ былъ
отличный товарищъ и
образцовый офицеръ. И
за нимъ водились шало-

сти, но совершенно невинныя, свойственныя молодежи, кромѣ одной, о которой, впрочемъ, мы узнали гораздо позднѣе. Не знаю какъ сказать: онъ ли жилъ съ Геккерномъ, или Геккернъ жилъ съ нимъ... Въ то время въ высшемъ обществѣ было развито бугрство. Судя по тому, что Дантесъ постоянно ухажи-

валъ за дамами, надо полагать, что въ сношеніяхъ съ Геккерномъ, онъ игралъ только пассивную роль. Онъ былъ очень красивъ и постоянный успѣхъ въ дамскомъ обществѣ избаловалъ его: онъ относился къ дамамъ вообще, какъ иностранецъ, смѣлѣе, развязнѣе, чѣмъ мы, русскіе а какъ избалованный

ими, требовательнѣе, если хотите нахальнѣе, наглѣе, чѣмъ даже было принято въ нашемъ обществѣ.

Въ то время Новая деревня была моднымъ мѣстомъ. Мы стояли въ избахъ, и эскадронныя ученія производили на той землѣ, гдѣ теперь дачки и садики 1 и 2 линіи Новой деревни. Все

высшее общество располагалось на дачахъ по близости, преимущественно на Черной рѣчкѣ. Тамъ жилъ и Пушкинъ. Дантесъ часто посѣщалъ Пушкиныхъ. Онъ ухаживалъ за Наташей, какъ и за всѣми красавицами (а она была красавица), нововсе не особенно „пріударялъ“ какъ мы тогда выражались, за нею.

Частыя записочки, приносимыя Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили: въ наше время это было въ обычаѣ. Пушкинъ хорошо зналъ, что Дантесъ не пріударяетъ за его жену, онъ вовсе не ревновалъ, но, какъ онъ самъ выражался, ему Дантесъ былъ *противенъ* своею манерою нѣсколько на-

хальнойю, своимъ языкомъ, менѣе воздержаннымъ, чѣмъ слѣдовало съдамами, какъ полагають Пушкинъ. Надо признаться, при всемъ уваженіи къ высокому таланту Пушкина, это былъ характеръ невыносимый. Онъ все какъ будто боялся, что его мало уважають, недостаточно почета оказыва-

ютъ; мы конечно боготворили его музу, а онъ считалъ, что мы мало преклоняемся предъ нимъ. Манера Дантеса просто оскорбляла его и онъ не разъ высказывалъ желаніе отдѣлаться отъ его посѣщеній. Nathalie не противорѣчила ему въ этомъ. Быть можетъ, даже соглашалась съ мужемъ, но, какъ на-

битая дура, не умѣла прекратить свои невинныя свиданія съ Дантесомъ. Быть можетъ, ей льстило, что блестящій кавалергардъ всегда у ея ногъ. Когда она начинала говорить Дантесу о неудовольствіи мужа, Дантесъ, какъ повѣса, хотѣлъ слышать въ этомъ какъ бы поощреніе къ своему ухаживанью.

Если-бъ Nathalie не была такъ непроходимо глупа, если бы Дантесъ не былъ такъ избалованъ, все кончилось бы ни чѣмъ, такъ какъ, въ то время, по крайнѣй мѣрѣ ничего собственно и не было—рукопожатіе, обниманія, поцѣлуи, но не больше, а это въ наше время были вещи обыкновенныя.

Часто говорятъ о ревности Пушкина. Мнѣ кажется, тутъ есть недоразумѣніе. Пушкинъ вовсе не ревновалъ Дантеса къ своей женѣ и не имѣлъ къ тому повода.

Необходимо отдѣлить двѣ фазы въ его отношеніяхъ къ Дантесу: первая лѣтняя, окончившаяся женитьбой Дантеса на Catherine; вторая,

осенняя, приведшая къ дуэли.

Пушкинъ не выносилъ Дантеса и искалъ случая отдѣлаться отъ него, закрыть ему двери своего дома. Легче всего это было для Nathalie, но та по свойственной ей дурости не знала, какъ взяться за дѣло. Нерѣдко, возвращаясь изъ города къ обѣду, Пушкинъ и за-

ставалъ у себя на дачѣ Дантеса. Такъ было и въ концѣ лѣта 36-го года. Дантесъ засидѣлся у Наташи; пріѣзжаетъ Пушкинъ, входитъ въ гостинную, видитъ Дантеса рядомъ съ женой и не говоря ни слова, ни даже обычнаго „bonjour“ выходитъ изъ комнаты; черезъ минуту онъ являлся вновь, цѣлуетъ жену,

говоря ей, что пора объ-
дать, что онъ проголо-
дался, здороваеся съ
Дантесомъ и выходить
изъ комнаты. „Ну, пора,
Дантесъ, уходите, мнѣ
надо идти въ столовую“,
сказала Наташа. Они по-
цѣловались, и Дантесъ
вышелъ. Въ передней онъ
столкнулся съ Пушки-
нымъ, который при-
стально посмотрѣлъ на

него, язвительно улыбнулся и не сказавъ ни слова, кивнулъ головой и вошелъ въ ту же дверь, изъ которой только что вышелъ Дантесъ.

Когда Дантесъ пришелъ къ себѣ въ избу, онъ выразилъ мнѣ свое опасеніе, что Пушкинъ затѣваетъ что-то недоброе. „Онъ былъ сегодня какъ-то особенно

странень“ и Дантесъ раз-
сказалъ какъ онъ засн-
дѣлся у Nathalie, какъ та
гнала его нѣсколько
разъ, опасалась, что мужъ
опять застанетъ ихъ, но
онъ все медлитъ и мужъ
дѣйствительно засталъ
ихъ вдвоемъ.

„Только-то?“

— „Только, но право у
Пушкина былъ какой-то
непріязненный взглядъ и

въ передней онъ даже не простился со мной“.

Все это Дантесъ разсказаль переодѣваясь, такъ какъ торопился на обѣдъ къ своему дядѣ. Едва ушелъ Дантесъ, какъ денщикъ докладываетъ, что Пушкинская Лиза принесла ему письмо и узнавъ, что барина нѣтъ дома, называла переслать ему

письмо, гдѣ бы онъ ни
былъ. На конвертѣ было
написано *très pressée*.
Съ тѣмъ же денщикомъ
было отправлено тогъ-
часъ же письмо къ Дан-
тесу.

Спустя часъ, быть
можетъ съ небольшимъ,
входитъ Дантесъ. Я его
не узналъ, на немъ
лица не было. „Что слу-
чилось?“— „Мои предска-

занья сбылись. Прочти".
Я вынулъ изъ конверта
съ надписью *trés pressée*,
небольшую записочку,
въ которой *Nathalie* из-
вѣщаетъ Дантеса, что
она передавала мужу,
какъ Дантесъ просилъ
сегодня руки ея сестры
Кати, что мужъ со своей
стороны тоже согласенъ
на этотъ бракъ. Запи-
сочка была составлена

по французски, но отличалась отъ прежнихъ, не только vous вмѣсто tu, но и вообще слогомъ вовсе не женскимъ и вовсе не дамскимъ billets doux.

— „Что все это значить?“

— „Ничего не понимаю! Ничьей руки я не просилъ“.

Стали мы обсуждать совѣтоваться и порѣши-

ли, что Дантесу слѣдуетъ, прежде всего, не давать demanda словамъ Наташи до разъясненія казуса.

— „Во всякомъ случаѣ Catherine мнѣ нравится и если ли я и не просилъ ея руки, но буду радъ сдѣлаться ея мужемъ“.

На другой день все разъяснилось. Наканунѣ, возвратясь изъ города

и увидя въ гостинной жену съ Дантесомъ, Пушкинъ не поздоровался съ ними и прошелъ прямо въ кабинетъ; тамъ онъ намазалъ сажей свои толстыя губы и, войдя вторично въ гостинную, поцѣловалъ жену, поздоровался съ Дантесомъ и ушелъ, говоря, что пора обѣдать. Вслѣдъ затѣмъ и Дантесъ простился съ

Nathalie, приче́мъ они поцѣловались и, конечно сажа съ губъ Nathalie перешла на губы Дантеса. Когда Дантесъ столкнулся въ передней съ Пушкинымъ, который очевидно поджидалъ его выхода, онъ замѣтилъ пристальный взглядъ и язвительную улыбку—это Пушкинъ высмотрѣлъ слѣды сажки на губахъ Дантеса.

Взбѣшенный, Пушкинъ бросился къ женѣ и сдѣлалъ ей сцену, приводя сажу въ доказательство. Nathalie не знала, что отвѣчать и, застигнутая въ расплохъ, солгала: она сказала мужу, что Дантесъ просилъ у нее руки сестры Кати, что она дала свое согласіе, въ знакъ чего и поцѣловала Дантеса, но что

поставила свое согласіе въ зависимости отъ рѣшенія Пушкина. Тотчасъ же, подъ диктовку Пушкина была написана Наташей та записочка къ Дантесу, которая такъ удивила и Дантеса и меня.

Вскорѣ состоялся бракъ Дантеса съ Екатериной Николаевной Гончаровой.

Этимъ оканчивается

первая фаза. Бракъ все прикрылъ и все примирилъ. Теперь Дантесъ являлся къ Пушкинымъ, какъ родной, онъ сталъ своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ, и Пушкинъ уже не выражался о немъ иначе какъ въ самыхъ дружескихъ терминахъ. Дантесъ пересталъ уже быть для него невыносимымъ человѣкомъ.

Откуда-же дуэль? Чѣмъ
вызвана ссора? Гдѣ без-
честіе, смываемое только
кровью?

Это уже вторая фаза.
Обстоятельства, вызвав-
шія вновь ссору и окон-
чившіяся дуэлью, до
сихъ поръ еще никѣмъ
не разъяснены. Объ нихъ
въ печати, вообще не
упоминается, быть мо-
жетъ потому, что они на-

брасываютъ тѣнь на чело-
вѣка, имя котораго
такъ дорого каждому изъ
насъ, русскихъ; быть мо-
жетъ, однако, и потому
еще, что они были извѣ-
стны очень немногимъ.
Не такъ давно, въ Одес-
сѣ умерла Полетика (По-
летыка), съ которой час-
то вспоминалъ этотъ эпи-
зодъ и онъ совершенно
свѣжъ въ моей памяти.

Дѣло въ томъ, что Гончаровыхъ было три сестры: Наталья, вышедшая за Пушкина, чрезвычайно красивая, но и чрезвычайно глупая; Екатерина, на которой женился Дантесъ, и Александра, очень некрасивая, но весьма умная дѣвушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть

всѣ стихотворенія своего
будущаго beau-frère и
была влюблена въ него
заочно. Вскорѣ послѣ
брака, Пушкинъ сошелся
съ Alexandrine и жилъ
съ нею.

Фактъ этотъ не под-
лежитъ сомнѣнiю. Ale-
xandrine признавалась въ
этомъ г-жѣ Полетики.
Подумайте-же, могъ ли
Пушкинъ при этихъ усло-

віяхъ ревновать свою жену къ Дантесу. Если Пушкину и не нравились частыя посѣщенія Дантеса, то вовсе не потому, что Дантесъ балагурилъ съ его женою, а потому, что посѣщая домъ Пушкина, Дантесъ встрѣчался съ Alexandrine. Влюбленный въ Alexandrine, Пушкинъ опасался, чтобы блестящій кавалергардъ,

не увлекъ ее. Вотъ почему Пушкинъ вполнѣ успокоился, узнавъ отъ жены, что Дантесъ бываетъ для Катерины и просить ея руки. Вотъ почему, послѣ брака Дантеса съ Катериной, Пушкинъ сталъ относиться къ Дантесу даже дружески. Повторяю, однако, связь Пушкина съ Александриню мало кому была из-

вѣсна. Едва ли многимъ
извѣстно и слѣдующее
обстоятельство, довольно,
повидимому ничтожное,
но въ концѣ концовъ от-
нявшее у насъ Пушкина.
Вскорѣ послѣ брака, въ
Октябрѣ или Ноябрьѣ,
Дантесъ съ молодой же-
ной задумали отправитъ-
ся за-границу къ род-
нымъ мужа. Въ то время
сборы за-границу были

нѣсколько продолжитель-
нѣе нынѣшнихъ и во
время этихъ то сборовъ,
въ Ноябрь или Декабрь
оказалось, что съ ними
собирается ѣхать и Ale-
xanderiçe. Вотъ что окон-
чательно взорвало Пуш-
кина и онъ рѣшился во
что бы то ни стало вос-
препятствовать ихъ отъ-
ѣзду. Онъ опять сталъ
придираться къ Дантесу,

началъ повсюду бранить
его, намекая на его уха-
живанья, но не за Алек-
сандриною, о чемъ онъ
долженъ былъ примал-
чивать, а за Nathalie.
Въ этомъ отношеніи Пуш-
кинъ былъ, дѣйствитель-
но невыносимъ. Какъ
теперь помню: на свят-
кахъ былъ балъ, у Пор-
тугальскаго, если память
мнѣ не измѣняетъ, по-

сланника, большого охотника. Онъ жилъ у нынѣшняго Николаевского моста. Во время танцевъ я зашелъ въ кабинетъ, всѣ стѣны котораго были увѣшаны рогами различныхъ животныхъ, убитыхъ ярымъ охотникомъ и, желая отдохнуть, сталъ перелистывать какой-то кипсѣкъ. Вошелъ Пушкинъ.—„Вы зачѣмъ

здѣсь? — Кавалергарду,
да еще не женатому
здѣсь не мѣсто. Вы ви-
дите“—онъ указалъ на
рога—„эта комната для
женатыхъ, для му-
жей, для нашего брата“.
„Полноте Пушкинъ, вы
и на балъ притащили
свою желчь; вотъ ей
здѣсь не мѣсто“. Вслѣдъ
за этимъ онъ началъ
бранить всѣхъ и вся,

между прочимъ Дантеса, и такъ какъ Дантесъ былъ кавалергардомъ, то и кавалергардовъ. Не желая ввязываться въ исторію, я вышелъ изъ кабинета и, стоя въ дверяхъ танцевальной залы, увидѣлъ, что Дантесъ танцуетъ съ Nathalie.

Пушкинъ все настойчивѣе искалъ случая

поссориться съ Данте-сомъ, чтобы помѣщать отъѣзду Александрины. Случай скоро представился. Въ то время нѣсколько шалуновъ изъ молодежи — между прочимъ Урусовъ, Опочининъ, Строгановъ, мой cousin, стали разсылать анонимныя письма по мужьямъ рогоносцамъ. Въ числѣ многихъ по-

лучилъ такое письмо и Пушкинъ. Въ другое время онъ не обратилъ бы вниманія на подобную шутку и, во всякомъ случаѣ, отнесся бы къ ней, какъ къ шуткѣ, быть можетъ заклеилъ бы ее эпиграммой. Но теперь онъ увидѣлъ въ этомъ хорошій предлогъ и воспользовался имъ по своему.

Письмо Пушкина къ
Геккерну и подробности
дуэли Пушкина съ пле-
мянникомъ Геккерна,
Дантесомъ, всѣмъ из-
вѣстны“.
